ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

МИР ПИСАТЕЛЯ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 1(255) – 2018

Екатерина Жданова. "Штандер, ножик, цу-е-фа!"

А ведь было хорошо...

Владимир ХОМЯКОВ

Детство, детство,
ты куда ушло?
Из песни 90-х

Детство мы вспоминать любим, хотя окружающим, как правило, в этом признаваться стесняемся.

То ли опасаемся прослыть несерьёзными в глазах сверстников, то ли боимся, что детские воспоминания – первый признак приближающейся старости.

Но есть некоторые, кто о детстве своём вспоминать не просто не боятся, а любят. И даже пишут об этом книги.

Недавно попалась мне в руки одна такая. Глаз так за обложку и зацепился: Екатерина Жданова "Штандер, ножик, цу-е-фа!".

Прежде всего, конечно, название зацепило – пахнуло чем-то давно забытым, из советского детства, начавшегося в Замоскворечье, а затем продолженного в "спальном" районе одной из московских новостроек.

Вот и главная героиня книги – девочка Катя, из моего поколения и точно такая же, из наших далёких 70-х. Начал читать – и, пока не дочитал, остановиться не мог. Словно на сорок лет назад переместился – без всяких там киношных "машин времени" и "параллельных реальностей".

И стало просто хорошо. Не потому, что молодость всегда вспоминается как нечто более светлое, а потому, что действительно светлым было оно, наше "советское" детство.

Как ни хают сегодня разного рода разоблачители те времена, но скажем прямо – окружающая нас реальность, в которой мы выросли и сформировались, была, хотя и поскромнее, но зато – на порядок светлее и оптимистичнее, чем у детей и подростков нынешних. Человечнее, что ли…

Дома родители учили нас (и мы считали это совершенно ненужным повторением и так очевидных вещей), что жить надо не богато, а честно, что уважение можно заслужить и нельзя купить, что старших следует уважать, а младшим помогать.

Мы приходили в школу, и там нас учили быть не "цивилизованными потребителями", как учат школьников нынешних, а прежде всего – людьми, чётко отличающими добро от зла, честь от подлости и допустимое от недопустимого.

А после – мы выходили во двор, который был для нас целым миром (причём – именно *нашим* миром!), гораздо более важным, чем всё остальное.

Там были друзья и враги, игры и познание жизни, дискуссионные клубы и выяснение отношений – полный набор того, что называется жизнью.

И никто не докажет мне, что была эта жизнь в чём-то хуже, чем жизнь детей нынешних, обложенных барахлом и гаджетами, упёршихся носом в компьютер и предпочитающих виртуальные сети живому общению.

У нас были свои радости и свои события, а выход новой серии "Ну, погоди!" радовал на порядок сильнее, чем наших пресыщенных детей выход очередной "ещё более крутой" компьютерной игрушки.

Мы читали взахлёб, и после пересказывали друг другу содержание понравившихся книг, примеряя на себя образы понравившихся героев.

А игры какие были?! Штандер, ножик, цу-е-фа!

Классное детство было у нас, кто бы что ни говорил!..

В общем, книжка у Кати Ждановой получилась отличная.

Причём – не только для детей, но скорее, даже для их родителей.

Не потому только, что без менторского занудства учит добру и правильному отношению к жизни, которое во всей чистоте его можно воспринять только ребёнком.

Но и потому, что словно чудесным образом приоткрывает дверь в мир нашего детства, позволяя вспомнить себя – какими мы были.

А заодно – осознать, что потеряли мы, "повзрослев".

Что утратили в жизненной суете и навязанной бездушной "рыночной" реальностью борьбе за существование. Чем пожертвовали и от чего отреклись в погоне за материальным.

В чём стали иными, не похожими на тех мальчишек и девчонок из 70-х, искренне верящих, что добро всегда побеждает зло, а завтра жизнь непременно станет лучше, чем сегодня.

Хороший повод задуматься – а правильно ли живём сегодня мы, нынешние?!

К 5-ой годовщине памяти

Альфа Михаила Анищенко

Александр БАЛТИН

Есть поэты, читая которых – помимо головокружительных, захватывающих ощущений – чувствуешь странное: будто они обошлись без поэтической техники (хотя на самом деле владели ею виртуозно), будто голоса их стихотворений услышаны ими вероятнее всего в ночи – прямо из бездн: в равной степени световой, и потусторонней.

Михаил Анищенко из их числа, больше того, если говорить о современных поэтах, чьё слово столь связано с запредельным колыханием пластов и мощи языка, его имя приходит на ум первым.

Эпитет Анищенко порой таков, что врезается в память с остротою алмаза, оставляя след, заставляющий переосмысливать своё отношение к тому или иному явлению.

"Мельхиоровая Лета" протекает меж нас, переливается тугими волнами справедливости меж движущихся теней человеческой кажимости; о! она не из воды, хоть и река, – она из того материала, который не определить, но который эпитет поэта обозначает выпукло, хотя и привязав его к земному материалу.

Феноменальность метафор Михаила Анищенко!

Эти виртуозные, не сочетаемые сочетания!

Волшебные вспышки поэтической мистики, когда реальность озарений становится столь же очевидной, сколь и осязаемой:

Я понимал тайгу, как речь,
Звучащую во сне.

И тишь ложилась,
как плита,
Как травы под пятой…

Тот дом
любим был и желанн,
В стекле и в серебре.
А в доме
ты со мной жила,
Как муха в янтаре.

Выписывать можно долго, но – не в этом суть; в чём? в боли и скорби, святою белизной переполняющих стихи?

В сдержанной, рвущейся, мятежной силе голоса, звучащего то истовым благородством, то точно рваным ожившим пунктиром, то богоборчески, то всеприемлюще; в глобальности ощущений, рождаемых стихами?

Поэзия сумма – сумма столь многого, сумма сумм, если угодно; и именно сочетание самых различных достоинств и величин определяет эффект.

Но русский поэт без боли невозможен, поэтому:

Я волк,
убивший человека,
Всю жизнь
писавшего стихи.

Невозможен и без надежды – тщетной кажется, бесправной в тотальном прагматизме мира, и всё же своим отсутствием сводящей всё дело насмарку, отсюда:

Вставай,
моя Расеюшка!
Вот платьице,
вот меч.

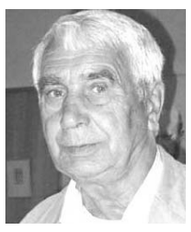
Жизнь Михаила Анищенко, полная полынной горечи, пригибаемая свинцовой тяжестью условий – жизнь ярчайшего светового источника, подключённого к такому генератору питания, что поколениям… предстояло бы осваивать его поэзию, осваивать, восхищаясь и замирая, мудрея и скорбя; пришлось бы – когда б не всё тот же прагматизм, выталкивающий даму вечности на обочину яви.

Но дама сия, поэзия! – именно вечности.

О прозе Николая Иванова

"Жить без наркоза"

Эдуард АНАШКИН



Есть писатели, чья биография захватывает читателя не меньше, чем произведения. Потому что произведения эти есть не только предмет литературы, но – продолжение авторской судьбы. Таких писателей немного, и к таким принадлежали из зарубежных прозаиков Джек Лондон и Эрнест Хемингуэй, а из русских писателей XX века можно назвать того же Владимира Карпова, автора уникальной военной, и не только, прозы. Таким писателям не надо искать своего героя, потому что герои их произведений живут в них самих.

Современный замечательный прозаик Николай Фёдорович Иванов из этой категории редких писателей, заложников и создателей своей уникальной судьбы. И дело даже не в боевых наградах Иванова, среди которых такие почётные, как орден "За службу Родине", медаль "За отвагу", высшая награда комсомола "Воинская доблесть", не говоря уже о множестве других военных и литературных наград. Дело в судьбе, в которой отразилась непростая наша эпоха. А судьба этого писателя, этого человека сложилась так, что вполне может стать сюжетом отдельного романа. Она, судьба, "благоволила" Николаю Иванову настолько, что ставила в такие безвыходные и трагичные ситуации, что впоследствии ему ничего не оставалось, как "дарить" их своим литературным героям, ничего почти для них более и не выдумывая.

Любит, ой любит Николай Иванов ставить своих героев в поистине страшные безвыходные ситуации… Но это и делает его в прозе ещё и драматургом. Не случайно на сцене Брянского драматического театра несколько сезонов шла его пьеса "Белый танец", в которой героя приглашает на вальс самая капризная и непредсказуемая дама – война.

Ведь боевая обстановка и непредвиденные ситуации и выявляют внутреннюю суть человека. У самого Иванова таких ситуаций в жизни было предостаточно, придумывать особо ничего не надо. Причём происходили эти ситуации как на театре военных действий, так и в мирной жизни.

Начать с того, что в предательские 90-е годы он, офицер, дававший присягу верности советской стране, не изменил ей и не стал орудием исполнения указаний "прорабов перестройки и рынка". Он оказался единственным в центральном аппарате министерства обороны, кто подал рапорт с просьбой об отставке после кровавых событий начала октября 1993 года.

Всю жизнь, куда бы ни бросала Николая Иванова его прихотливая и щедрая на перипетии судьба, он оставался верным воином России. И неслучайно многие годы руководил журналом Министерства обороны РФ "Советский воин".

Николай Иванов прошёл горячие точки Афганистана и Чечни; был в Южной Осетии – Цхинвале; перед референдумом в Крыму, в Севастополе – собрали с известным поэтом Александром Бобровым писателей Крыма и на Сапун-горе подняли копию Знамени Победы. Подтвердив этим: "Россия с вами!". Много раз Николай Фёдорович был в Донбассе, прорвался даже в Сирию. Для этого написал министру обороны России письмо, смысл которого сводился к следующему: "К бойцам летают чечёточники, частушечники, балалаечники и ни одного писателя не посылаете. А завтра будем на коленке сочинять историю нашего сирийского похода?..".

В течение четырёх месяцев томился в чеченском зиндане, небо видя только когда выводили на расстрелы или бросали живьём в могилу. Там боевики прозвали его Полковник Чехов. Знали, что Иванов – по званию полковник, а по призванию – писатель. От гибели Николая Иванова спасло только чудо и… успешная спецоперация по его освобождению.

Жёны оперативников, которые пошли в горы на его вызволение и сами надолго пропали без связи, замирали от страшных мыслей, а после возвращения задали мужьям единственный вопрос: "Что за человек Иванов, стоило ли ради него рисковать?". Ответом на этот вопрос явился тот факт, что едва оправившись от пережитого, он снова едет в Чечню издавать газету "Чечня свободная".

"Боевики как-то сказали: "Полковник, если останешься жив, мы тебя провезём по ямам, по которым тебя таскали". А я решил: если останусь жив, сам приеду по ним...".

В общем, чем больше узнаешь биографию этого человека, тем больше складывается впечатление, что жизнь Николая Иванова сама, похоже, пишет роман, избрав его в главные герои.

Не прекословя ей, Иванов-прозаик и героев своих книг ставит в тяжелейшие драматические ситуации. И уже потом вместе с ними ищет выход из них, как правило, заранее сюжет не выстраивая и финал не планируя. В новелле "Тот, кто стреляет первым" комбат во время атаки грузинского спецназа на Цхинвал ранил девушку, находившуюся среди боевиков. Оставшись на нейтральной полосе, она умирала под солнцем от ран. И держали её под прицелом с обеих сторон. И комбат, зная, что идёт на верную гибель, рванулся к девушке. А на распахе получил очередь в грудь.

"Надломился комбат. Опрокинулся сначала в небо, потом неловко упал на бок. С усилием, ещё при памяти и силе, перевалился на спину: так и впрямь надо делать при ранении в живот, он не зря мысленно подсказывал это девушке.

...Утихало всё на нейтральной полосе для майора и девушки. Земная жизнь начала течь уже без них, и, осознав эту отрешённость, они вдруг потянулись навстречу друг другу липкими от крови пальцами. Словно уверовав, что спастись они могут только вместе…

Подтянув своё обмякшее, переполненное кровью тело, майор с усилием выбросил его вперёд. Бросок получился никчемный, зряшный, потому что всё равно его не хватило дотянуться до девушки, хоть и было того расстояния ровно на ствол автомата, лежавшего между ними.

И перевалило солнце через валун. И сдалась девушка, прикрывая веки. И оставшийся в одиночестве майор тоже понял: всё! С этого момента ни ему, ни соседке не требовалось ни подтягивать под свои раны земной шар, ни отталкиваться от земли – та сама замерла перед тем как принять рабов божьих к себе.

И тогда встал с белым платком в руке начальник штаба. Из-за листвы тут же, словно боясь опоздать, торопливо скатился грузинский офицер. Сделали навстречу шаги. И выбежали им на подмогу другие солдаты, да с обеих сторон, да уже не высчитывая равного количества – доверились среди войны и ненависти друг другу. Хорошо всё-таки, что был Советский Союз.

И упали на колени живые перед погибавшими, оторвали их от слишком гостеприимной земли. Подняли, осторожно понесли, сдерживая шаг и пряча взгляды от пульсирующих ран. Каждого в разные стороны, в окопы, ощетинившиеся друг против друга оружием.

Тот, кто стреляет первым, умирает всё же вторым.

Но здесь, на цхинвальском склоне, с обеих сторон молились, чтобы остались живы раненые.

Оба".

Да, проза Иванова оставляет впечатление того, что действо творится здесь и сейчас, и читатель сам является его сотворцом и участником.

Я всегда считал, что главная работа писателя – работа за письменным столом. И от слов своих не отказываюсь. Но Николай Иванов редкое исключение из правила. Его основное рабочее место – сама жизнь. До того как садиться за произведение, Иванов словно проживает его. Известный в литературных кругах как автор суровой военной прозы, он в не меньшей мере и лирик, который, познав тяготы войны, особенно ценит радости мирной жизни. Об этом свидетельствует новая книга прозы Николая Иванова "Тот, кто стреляет первым", выпущенная в свет в 2017 году.

Когда я имел возможность, то частенько приезжал в Дом творчества "Переделкино" – поработать, встретиться с друзьями-коллегами по перу. Однажды здесь, в Переделкино, гуляя по аллеям, разговорились с Николаем Фёдоровичем о литературе, о радостях мирной жизни. И он мне сказал так:

"По-моему, настоящая литература о войне – самая жизнеутверждающая!

Ненавижу километры боевиков на сегодняшних книжных полках, где очередная стрельба, очередное кровопролитие. Эти стрелялки, показывающие вроде крутизну героев, обесценивают жизнь солдата. Поэтому о войне надо писать без наркоза. Как только отстранился, обезопасил себя, свои нервы, то потратишь время лишь на строчки, но не создашь настоящего...".

Иванов в это время проводил творческий семинар с молодыми военными писателями. Большинство семинаристов писало первые рассказы именно о такой "стрельбе", выпячивая грязь, мат, бестолковость командиров.

Три дня руководитель втолковывал начинающим, что не надо надевать белые манишки и мантии судей и свысока, пренебрежительно и уничижительно писать о своих боевых друзьях. Ему твердили – это правда войны.

Он же доказывал, что правда войны – это когда воробей прыгает по колючей проволоке. Когда по крыше землянке бежит ручей… Не доходило, сплотились в глухой обороне.

На третий день Иванов принёс на семинар бутылку водки и одно яблоко. Молча разлил водку на всех, разделил по кусочкам яблоко. Одно на всех. Пригласил всех к бильярдному столу, у которого вели семинар: "Давайте поднимем сразу третий тост. За погибших наших друзей. И подумаем, как и что о них, находящихся на небесах, пишем и сочиняем мы, оставшиеся в живых. Будет ли им приятно, что их дети будут читать и думать о своих погибших отцах? И хотели бы вы, чтобы о вас были написаны такие книги?".

И гробовая тишина… Долго не выпивали. Стояли, погружённые в себя и свои строчки. И всё словно перевернулось в сознании. Точнее, стало на свои места. С того самого семинара одиннадцать человек позже стали членами Союза писателей России. Возможно, они поняли смысл эпиграфа, которым Николай Иванов предварил свою книгу: "Не выстрелы пою, а тех, кто шёл под пулями. Не войне поклоняюсь, а тем, кто не прятался от неё. Русскому солдату".

Очевидно, что военная проза Николая Иванова, помимо её художественных достоинств, ещё и документ эпохи. Ведь она существует в очень редком жанре – где за художественностью угадывается документальная конкретика. Прочитав в новелле "Золотистый золотой", как мать русского солдата, обезглавленного в плену боевиками, приезжает в Чечню, чтобы забрать тело сына, мгновенно понимаешь, что речь идёт о вполне конкретном событии и вполне конкретных людях. О русском великомученике-солдате Евгении Родионове, который даже в чеченском плену не снял православного креста, за что был зверски обезглавлен. Солдате, под пером Иванова ставшем символом и образом одновременно. Как и его самоотверженная мать, которой циничные бандиты предложили забрать тело сына, но лишь пройдя по минному полю… И мать, ни минуту не задумываясь, пошла по нему, словно ведомая свыше. И ни одна мина не посмела сдетонировать под ногами этой женщины, словно это шла святая, не касаясь земли ногами.

Да, только такая женщина могла родить и воспитать такого героя-солдата! Этот эпизод в книге поражает одновременно трагизмом и эпическим лиризмом. А вот концовка:

"И выслушав её тихий стон, тоже седой, задёрганный противоречивыми приказами, обвинённый во всех смертных грехах политиками и правозащитниками, ни разу за войну не выспавшийся подполковник дал команду выстроить под палящим солнцем полк. Весь, до последнего солдата. С Боевым знаменем.

И лишь замерли взводные и ротные коробки, образовав закованное в бронежилеты и каски каре, он вывел нежданную гостью на середину горного плато. И протяжно, хриплым, сорванным в боях голосом прокричал над горами, над ущельем с остатками банд, над минными полями, – крикнул так, словно хотел, чтобы услышали все политики и генералы, аксакалы и солдатские матери, вся Чечня и вся Россия:

– По-о-олк! На коле-ено-о-о!

И первым, склонив седую голову, опустился перед маленькой, босой, со сбитыми в кровь ногами, женщиной.

И вслед за командиром пал на гранитную пыльную крошку его поредевший до батальона, потрёпанный в боях полк.

Рядовые пали, ещё мало что понимая в случившемся.

Сержанты – беспрекословно доверяя своему "бате".

Три оставшихся в живых прапорщика – Петров и два Ивановых, опустились на колени.

Лейтенантов не было. Выбило лейтенантов в атаках, рвались вперёд, как мальчишки, боясь не получить орденов, – и следом за прапорщиками склонились повинно майоры и капитаны, хотя с курсантских погон их учили, что советский, русский офицер имеет право становиться на колени только в трёх случаях: испить воды из родника, поцеловать женщину и попрощаться с Боевым знаменем.

Сейчас Знамя по приказу молодого седого командира само склонялось перед щупленькой, простоволосой женщиной. И оказалась вдруг она, вольно иль невольно, по судьбе или случаю, но выше красного шёлка, увитого орденскими лентами ещё за ту, прошлую, Великую Отечественную войну.

Выше подполковника и майоров, капитанов и трёх прапорщиков – Петрова и Ивановых.

Выше сержантов.

Выше рядовых, каким был и её Женька, геройских дел не совершивший, всего один день побывший на войне и половину следующего дня – в плену"...

Вот какие книги надо читать нашей молодёжи, чтобы не возникало желания каяться за победы своего народа!

Конечно же, взгляд Иванова на войну – это взгляд того, кто воевал. Для всяческих миротворцев и предателей заведомо неприемлемый взгляд изнутри. Конечно, этот взгляд военного человека бывает жёстким. Но взгляд писателя Иванова шире взгляда офицера Николая Иванова. А потому он, бывший пленник и настоящий офицер, показывает войну не только сплошной чередой ужасов и крови, какой она, конечно же, является. Николай Иванов не только человек дела, но и художник слова. И к чести его, офицерской и писательской, этим словом Иванов умеет владеть, как табельным боевым оружием.

И на войне, как показывает нам Иванов, жизнь, во имя которой война ведется, продолжается. И люди так же, а может, даже сильнее, чем в мирной жизни, хотят любить и быть любимыми, презирают приспособленцев, хотя таковых, приспособленцев, в местах, где свищут пули, много не наберётся.

И хотя смерть ходит в шаге от них, они сквозь вой пуль и стоны раненых думают о жизни. Две молодые женщины санитарной части обсуждают свою непростую женскую судьбу. Молодые военные, понятное дело, не только ходят в атаку и бьются с противником. В редкие спокойные часы они не против того, чтобы улыбнуться женщинам, недаром санчасть называют "тридевятым царством", т.е. заповедной зоной, хотя всё намного проще: городок охраняют морпехи из Калининграда, 39-го (по автомобильным номерам) региона России. Жизнь и тут оказывается сильнее смерти, что караулит всех.

Но всё равно главным для морпехов остаётся мужское воинское служение:

"Вертолёт покачивало, и десантники, ощущая его неустойчивость, лежали не шевелясь. Громаку наконец удалось резким движением головы сбить с бровей огромные водяные шары пота. Но что же с вами делать, братцы остающиеся? Хоть за колёса хватайтесь, как лягушка-путешественница.

– Цепляйтесь за шасси, – мысль, навеянная сказкой, ещё не успела стать зримой, а уже сорвалась с языка.

"Вертушка" заваливалась. Ей, не цапле, стоять на одной ноге без умения ловить равновесие, держась лишь на воздушном вихре от винтов, становилось всё сложнее, и нежданная сказочная подсказка несла выход из тупика...

Морпехи побежали под брюхо "восьмёрки", на ходу снимая автоматы и удлиняя на них ремни. Всё правильно, можно пристегнуться за стойки шасси, балочные держатели и блок под "нурсы". Имея по двадцать неуправляемых ракетных снарядов под задницей – где ещё так прокатишься?

Сердцев, став на колени перед Мережко, уже осматривал металлический кусок, торчащий над ухом старшего лейтенанта. Поймав взгляд Громака, умоляюще выкрикнул глазами: "Быстрее".

Сам понимал, что его просьба ни на секунду не сдвинет время и возможности, молниеносно надел белые перчатки, протянул руку к батальонному врачу: инструменты. Значит, операция без промедления. Солдатик, державший голову командира в ладонях, отвернулся. Может, даже не из-за вида крови, сочившейся по металлу и собирающейся красным озерцом в его ладонях, а что впервые видел своего командира осунувшимся, пыльным и небритым. Значит, точно война. И если даже ротного достал осколок, то что говорить об обычном солдате!

Громак, опережая врача, вновь качнул вертолёт, проверяя "лягушек" и давая возможность привязавшимся, вцепившимся мёртвой хваткой за что ни попадя морпехам привыкнуть к высоте и качке, и приноравливая врача к вибрации, и отыскивая дорожку домой.

И пошёл вниз "Ми-8" – многоцелевой, второй в мире по применению, боевой транспортный. И висели на автоматных ремнях пехотинцы, перебирая в воздухе ногами, словно шли по небу. И перед самым вылетом из тумана раздались выстрелы. Успел, успел Хаттабушка превратить дорожку спасения в тропу войны. И некуда было деться от огня "лягушатам" на внешней подвеске. Да и брюхо машины для разрывных – что фольга для иголки. И туман, ещё минуту назад проклинавшийся, вдруг оказался хоть и тончайшей, как вуаль, но последней и единственной защитой. Как же быстро она истаивала!

...Но когда первый толчок от попадания пули ударил под бронеплитой, из вечернего сумрака и грязного тумана вынырнул ведомый, который поднырнул и стал под "восьмёрку" командира. И вся разрывная свора, предназначавшаяся "Триста тридцать третьему" с его грузом, полетела ему в брюхо. В его лопасти, его хвостовое оперение, в стёртые, без единого намёка на протекторы, колёса. А ведь у него полный дополнительный бак керосина на сотни литров. Размером на треть салона. Держись, "Двенадцатый". Судьба и связисты не дали же тебе тринадцатый номер, приберегали для чего-то. Пусть это будет день нынешний...".

А какие точные речевые характеристики даны писателем своим персонажам. Они говорят каждый своим языком, они не унифицированы, несмотря на то, что военная форма и война – самый страшный унификатор.

Они такие, словно мы их давно знаем, встречаем среди своих знакомых. Да мы сами в каких-то жизненных ситуациях похожи на героев книг Николая Иванова. Потому так естественно примеряем на себя судьбы его героев, как бы ставя себя на их место.

Вот в новелле "Свете тихий":

"Затягивая паузу, мужик переключился на двух кошек, бредущих вдоль забора:

– О, две варежки идут. Одна будет чёрная, другая рыжая… А навоз у Клавки не берите. Кто берёт – потом пять лет вообще на огороде ничего не растёт. Даже бурьян. Выжигает. Во питание...

– Васька, не морочь людям голову, – вслед за кошками шла аккуратно одетая старушка-гимназистка с прутиком, которым, как гусей, направляла их домой. – Иди приведи себя в порядок.

– Э-э, – возразил ей с улыбкой мужичок. – В человеке главное – внутренний мир!

Дождавшись, когда наставница унесёт на голове на достаточное расстояние корону из накладной косы, поведал:

– Тёща. Бывшая. Собаку облей в мороз водой – околеет. А эта каждую зиму в прорубь – и опять хрен да ни хрена, ходит поучает".

А вот одна из последних работ Иванова - о событиях на Донбассе, новелла "Партер. Седьмой ряд":

"– Баю-баюшки, баю...

– Вика, милая, всё. Всё уже.

– Не отдам…

"Отдашь!" – ухнул рядом разрыв.

Комья земли за спиной – как падающие яблоки в домашнем саду.

Для непонятливых повторилось едва ли не над ухом:

"Отдашь! Отдашь!!".

"Да-да-да-дааааа" – шавкой из подворотни подтявкнула господам артиллеристам дробненькая пулемётная очередь.

И вдруг озарение: какое же это счастье – оказаться во время обстрела на кладбище! Любой холмик – бруствер, памятник – стена каменная. Копачам вообще сказка: скатились в самими же вырытую могилу-окоп в седьмом ряду нового, всего лишь неделю назад открытого для захоронений, участка. Готовили могилочку для дитяти, лишней земли не захватывали, а вот, поди ж ты, легко втиснулись вчетвером.

– Баю-баюшки, баю...

– ...ююююю... – передразнила мина-"крылатка".

Не ведала, дурёха, что от самой полетят клочки по закоулочкам, едва коснётся земли. Иначе не насвистывала бы, а выла по-бабьи, изо всех сил удерживая себя в воздухе. А ещё лучше – вернулась бы к тем, кто снаряжал её, как поясом шахида, хвостовым оперением. Кто погладил выпуклые, в 120-мм, бёдра, но тут же предал, разжав пальцы и опустив в тесное, тёмное, пропахшее гарью жерло ствола. И всё ей окончательно должно было стать понятным, когда обожгло, возгорелось там, где шёл элегантный, как у балерины, крылатый подол пачки...

– ...аюшки-баю...

– Да-да-дааааа...

– ...ююююююю...

"Уух, уух" – проснулись, а может, только-только подскочили на подмогу сородичам всегда охочие до драки танки. Вот у кого дури по самые топливные баки. Такие, пока не снесут себе башню или им не настучат из гранатомёта по темечку, будут строить из себя ковбоев.

Гудело, свистело, ухало, чвакало, скрежетало – какая же гармония, уважительное равноправие царят в стреляющем оркестре. Всё – ради слушателей!..".

...Если немного оглянуться назад, с творчеством Николая Иванова я знаком ещё с тех пор, как друзья прислали мне "Роман-газету" с повестью "Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре". Читая, я изумлялся мужеству автора и одновременно радовался, что открыл для себя нового талантливого писателя. Спустя ещё несколько лет моя домашняя библиотека пополнилась уже другой книгой Николая Иванова, изданной в Брянске, – "Новеллы цвета хаки".

И вот новая книга, новая высота, новый виток судьбы…

Непростой, но счастливой и насыщенной судьбы замечательного писателя Николая Иванова, вполне заслуживающей, чтобы стать книгой.